

20.06.2014, 18:03

ИНТЕРВЬЮ

Чтобы полицейский сел

ДЕЛО ОП «ДАЛЬНИЙ»

На прошлой неделе были вынесены приговоры обвиняемым по делу об убийстве задержанного в казанском отделе полиции «Дальний». По данным следствия, Сергей Назаров скончался в результате пыток. Это произошло в марте 2012 года. По словам родственников, Назарова в отделе изнасиловали бутылкой из-под шампанского.

Этот случай имел большой резонанс. Расследование взял под контроль глава Следственного комитета Александр Бастрыкин. Отдел «Дальний» был расформирован. К ответственности были привлечены восемь человек, включая заместителя начальника отдела, начальника угрозыска отдела и его заместителя.

Приволжский районный суд Казани приговорил бывшего заместителя начальника угрозыска отдела Алмаза Василова к 15 годам колонии строгого режима. К 12 годам колонии строгого режима был приговорен бывший

замначальника отдела Фаиль Сабирзянов. Оперативники Рамиль Ахметзянов и Ильнар Ибатуллин получили по 10 лет колонии строгого режима. Еще троих человек суд распорядился отправить в колонию общего режима: бывшего начальника угрозыска Айнура Рахматуллина на восемь лет, оперативника Амира Шарафуллина на шесть, оперативника Дениса Васильева на четыре года. Оперативник Александр Фадеев был приговорен к двум годам колонии-поселения.

[[{"type": "media", "view_mode": "media_large", "fid": "4661", "attributes": {"alt": "", "class": "media-image", "height": "270", "typeof": "foaf:Image", "width": "480"}}]]

Осужденные по делу ОП «Дальний». Стоп-кадр видео на сайте Ассоциации «АГОРА»

Насилие в отделах полиции по отношению к задержанным, в том числе и с тяжелыми последствиями — довольно распространенное явление. Не так давно **стало известно**, что 21-летний Антон Севостьянов был жестоко избит в петербургском отделе полиции № 16. Его заподозрили в краже сумочки и, как утверждает его семья, избили так, что он был отправлен в реанимацию, но потом возвращен в отдел. Между тем в ГУ МВД по Петербургу и Ленинградской области заявили, что была проведена проверка и никаких нарушений в действиях полиции не выявлено. При этом в пресс-службе ГУВД признали, что Севостьянов был госпитализирован. Нередко, если дело об избиении доходит до суда, полицейские получают условные сроки — так, 10 июня Октябрьский районный суд в Барнауле **приговорил** троих полицейских к трем годам лишения свободы условно за нанесение ударов задержанным.

По просьбе ОВД-Инфо ситуацию с приговором по делу ОП «Дальний» и перспективами заведения уголовных дел и вынесения приговоров в связи с насилием, совершенным полицейскими, комментируют эксперты.

ПАВЕЛ ЧИКОВ, АССОЦИАЦИЯ «АГОРА»

Как расследуются дела, в которых обвиняемыми являются полицейские?

Дело ОП «Дальний» не является типичным, оно в большой степени отличается от дел этой категории, поэтому нельзя говорить, что так расследуются все подобные дела. Это дело было резонансным, оно было на контроле у Александра Бастрыкина, он лично решал вопрос с организацией следствия по этому делу, организацией межрегиональной следственной группы, состоящей из следователей следственных управлений разных субъектов федерации. Обычно дела расследуются несколько иначе, но дела по части 3 статьи 286 (превышение должностных полномочий с применением насилия или с причинением тяжких последствий — ОВД-Инфо) всегда очень чувствительны для правоохранительной системы, это традиционно так, и ничего не меняется уже много лет. Таких уголовных дел в год насчитывается примерно 500–700, несмотря на то, что всего дел в отношении сотрудников полиции 4500–5000 ежегодно. То есть только десятая часть из них — это дела о насилии, превышении должностных полномочий. И поэтому эти дела штучные, в отношении этих дел, как правило, принимаются политические решения, на уровне руководства ведомств. Следственный комитет, ГУВД, прокуратура обычно участвуют в решении вопроса, согласовывая между собой такого рода дела. Кроме того, ключевым моментом является причиненный вред здоровью: в случае, если потерпевший скончался от побоев, по уже сложившейся практике кто-то должен понести уголовную ответственность. Часто бывает так, что полицейские или полицейское начальство выбирают и решают, кто будет нести ответственность. Такая попытка была предпринята и в деле ОП «Дальний»: на следующий день после того, как об этом преступлении стало известно,

в отдел приехал тогдашний министр внутренних дел Татарстана Асгат Сафаров, собрал личный состав отдела и велел им самим выбрать, кто возьмет на себя ответственность. По замыслу министра кто-то один должен был взять на себя ответственность за гибель Сергея Назарова, в отношении же остальных система постаралась бы исключить привлечение к уголовной ответственности. А также создать максимально комфортные условия для того, кто взял бы на себя ответственность. Такая схема работает в тех случаях, когда кто-то погиб или был причинен тяжкий вред здоровью, появились какие-то серьезные травмы. Когда же речь идет, например, просто о побоях, такие дела возбуждаются с большим трудом, а как правило, не возбуждаются вовсе. Статистика Следственного комитета говорит о том, что в год к ним поступает примерно 80000 сообщений о преступлениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов. Из них СК возбуждает 5000 уголовных дел. Это шесть процентов, при этом Следственный комитет утверждает, что в 94% случаев нет оснований для возбуждения уголовных дел-либо заявители лгут, либо отсутствует повод для возбуждения, либо невозможно адекватно установить, что же произошло.

То есть если человек, которого пытали, умер, вырастает вероятность того, что дело дойдет до суда и будет вынесен приговор?

Да, логика у системы простая: если есть труп, то кто-то должен нести ответственность, на кого-то этот труп нужно повесить. Если все выжили, то в чем проблема? Нет никакого основания для возбуждения уголовного дела и расследования. Иначе может быть решен вопрос, либо когда имеется широкий общественный резонанс, либо когда потерпевший долго и упорно при помощи квалифицированных юристов добивается возбуждения уголовного дела. И то это ничего не гарантирует.

То есть даже до стадии возбуждения дела доходит очень низкий процент таких преступлений?

Да, 94% случаев преступлений, совершенных сотрудниками правоохранительных органов, о которых стало известно Следственному комитету, не завершаются возбуждением уголовного дела. При этом нужно понимать, что большая часть пострадавших ни в какой Следственный комитет ни с какими жалобами и заявлениями не обращается. Возбужденные же уголовные дела далеко не все доходят до обвинительного приговора. Мы имеем дело с ситуацией, когда меньше одного процента сотрудников правоохранительных органов, подозреваемых в совершении преступлений, доходит до обвинительного приговора.

Когда ищется козел отпущения, а не привлекается весь отдел, включая начальников, — это обычная для России практика?

Конечно. Случаи, когда к уголовной ответственности привлекался бы практически весь отдел, очень редки, их можно пересчитать по пальцам двух рук за последние лет 5–6, если не 10.

Как можно действовать человеку, если он попал в такую ситуацию, чтобы добиться рассмотрения дела, реального приговора? Если его пытали, били, но тяжкого вреда не причинили?

Условий успеха только два. Первое, абсолютно обязательное, — это наличие медицинского документа, подтверждающего причиненные телесные повреждения или вред здоровью. Если его нет, то санкций не будет вообще никаких. Поэтому первое, что нужно сделать, — это обратиться к медику и зафиксировать телесные повреждения или побои. И только после этого — это второе важное условие — надо обращаться в Следственный комитет, так как никакая другая структура не является надлежащим органом для обращений. Есть

еще один важный момент: очень желательно, чтобы человек воспользовался услугами профессионального юриста, который имеет опыт работы по таким категориям дел.

Как часто такие дела, возбужденные против полицейских, закрывают на этапе следствия или суда?

Чаще всего такие дела просто не возбуждают. Что касается тех, которые были возбуждены, то, как правило, дела возбуждаются не для того, чтобы их прекращать. В этом смысле, конечно, большая часть возбужденных дел уходит в суды и доходит до обвинительного приговора. Но бывают и такие, которые прекращаются на стадии следствия. Насколько можно судить из нашей практики, оправдательные приговоры в отношении полицейских выносятся гораздо чаще, чем в отношении других лиц. Конечно, и дела прекращаются часто, и оправдывают их чаще, чем других, но все-таки в подавляющем большинстве дел, если уж оно возбуждено, то заканчивается обвинительным приговором. Однако есть еще одна проблема, связанная с назначением наказания: часть 3 статьи 286 — это тяжкое преступление, предполагающее до 10 лет лишения свободы, при этом в стране по этой статье в подавляющем большинстве случаев назначают условное наказание.

То есть реальные сроки — это редкость?

Реальные сроки бывают, если есть погибшие. Но в таком случае возникает дополнительная квалификация по другой статье — как правило, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности, которое предусматривает наказание до 15 лет лишения свободы. В этом случае назначается уже реальное наказание. Ключевым моментом является гибель человека, потому что, если человека избили, но он не погиб, то назначенное наказание будет, как правило, условным, а вот если человек погиб, то наказание будет довольно строгим — от 8 до 15 лет лишения свободы. Казалось бы, во всех

случаях тяжкого вреда здоровью предполагается реальное лишение свободы, но по этой категории дел так, к сожалению, не происходит.

А когда зафиксирован факт гибели человека, то стараются повесить это на рядовых сотрудников? Или же ответственность могут понести и начальники?

На стажеров, на подчиненных, но, конечно же, не на руководство. Но руководство обычно и не участвует в избиении лично.

Но это же все равно происходит под их началом?

Да, но тогда у преступления другая квалификация. Оно отличается по квалификации, по обстоятельствам, это может быть уже не часть 3 статьи 286, или же надо доказывать, что начальник был организатором, начальник отдавал распоряжения. А это сложнее, это возможно только в том случае, если сотрудник будет давать показания, признавать вину и еще давать показания на своего начальника.

ИГОРЬ КАЛЯПИН, «КОМИТЕТ ПРОТИВ ПЫТОК»

Как у нас вообще расследуются такие дела, когда обвиняемыми бывают полицейские, насколько типично или нетипично дело ОП «Дальний»?

Давайте начнем с того, что у нас полицейские обвиняемыми не бывают — они не доходят до стадии предъявления обвинения. Органы Следственного комитета получают заявления о совершении преступления полицейскими и в 999 случаях из 1000 делают все, чтобы отказать в возбуждении уголовного дела, точнее, не делают ничего, чтобы его возбудить. Они просто не проводят так называемые проверочные мероприятия и через недельку выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. На этом все

заканчивается. Могу попробовать привести статистику: на несколько сотен случаев возбуждается примерно одно дело. Причем, как показывает практика, когда наши обычные юристы, не обладающие полномочиями следователей, вступают в уголовный процесс, почти всегда эти постановления об отказе в возбуждении уголовного дела признаются незаконными. Поскольку выясняется, что органы Следственного комитета на самом деле никакой проверки не проводили и отказали в возбуждении уголовного дела просто так, совершенно ничего не проверяя. Это может происходить несколько раз подряд: суд или вышестоящая инстанция Следственного комитета, прокуратура могут неоднократно признавать эти отказные постановления незаконными — тем не менее Следственный комитет второй, третий, пятый, десятый раз будет опять и опять выносить эти отказные постановления, освобождая таким образом потенциальных подозреваемых — полицейских от возможности быть привлеченными к уголовной ответственности. То есть они не становятся даже подозреваемыми, даже расследование не начинается.

И в каких случаях реально добиться рассмотрения дела?

Если произошло очевидное убийство или человека как-то страшно искалечили, как этого несчастного Назарова в отделе «Дальний», и это вызвало огромный резонанс, и об этом стала говорить вся страна, вот тогда дело будет возбуждено и, может быть, оно дойдет до суда. Но даже и в этом случае может не дойти, потому что весь общественный резонанс, все охи и ахи — дело довольно скоротечное: обычно журналисты, общественность, политики интересуются таким делом месяц-два-три. В течение всего этого времени представители Следственного комитета, отвечающие за расследование этого дела, с серьезным видом, нахмутив брови, говорят: мы проводим оперативно-розыскную деятельность, мы устанавливаем причастных, мы устанавливаем виновных. Потом интерес гаснет, выслушивать эти мало

что говорящие заклинания становится скучно, и как только Следственному комитету перестают задавать вопросы по этому делу (а за этим работники Следственных органов очень внимательно следят), как только вот этот шум и интерес стихает, они тут же его прекращают, выносят постановление о прекращении или о приостановлении. И выясняется потом, что никакого расследования они, на самом деле, не проводили, а только делали загадочные лица и говорили ритуальные фразы про следственно-оперативные мероприятия, про тайну следствия и так далее.

То есть это распространенная практика, когда дела закрывают уже на этапе следствия?

Совершенно верно. У нас доведено до суда семь или восемь десятков дел, но прежде чем дело доходит до суда, Следственный комитет по каким-то делам пять, по каким-то десять, по каким-то двадцать раз выносит постановление о прекращении дела. И если у потерпевшего нет толковых юристов — причем это должны быть не просто хорошие адвокаты, это должен быть юрист, который не просто с документами работает, это должен быть адвокат, который вместо следователя доказательства собирает, — то он не сможет самостоятельно ходить по судам и 10–20 раз подряд выигрывать жалобы у Следственного комитета, ему это просто не по силам. И все это затянется на годы, может занять и два, и три, и пять лет. А услуги грамотного адвоката стоят сумасшедших денег. Насколько я знаю, правозащитных организаций, которые умеют этим заниматься, в России единицы. Приходится признать, что граждане в этой ситуации беззащитны. Власть в лице Следственного комитета и Прокуратуры от полицейского произвола их не защищает совершенно. Это я могу сказать уверенно и за свои слова отвечаю.

Если дело все-таки доходит до суда, как часто выносятся оправдательные приговоры на уровне общей статистики

по другим делам?

Я не хочу комментировать, насколько справедливы те приговоры, которые выносит суд. Я могу сказать, что представление о том, что суды всегда дают ментам мало, не совсем соответствует действительности. На мой взгляд, дело не в том, что им дают мало, проблема в том, что перед судом предстает один из тысячи. Я считаю приговоры сотрудникам отдела «Дальний» более или менее адекватными. Проблема в другом: таких истории, как в «Дальнем», в Российской Федерации сотни. С тех пор, как в отделе «Дальний» забили этого несчастного Назарова, десятки людей пострадали от аналогичных пыток. У нас в Нижнем Новгороде буквально на днях аналогичный случай произошел. Подозреваемому всякие предметы в задний проход затолкали — правда, он остался жив. Но он по-прежнему находится под стражей, его продолжают мучить, и если этого человека замучают насмерть, я сильно подозреваю, что дело до суда не дойдет. Скорее всего, оно даже не будет возбуждено. И вот таких случаев, когда сотрудники полиции, сотрудники ФСИН остаются безнаказанными, сотни.

В случае, если выносится обвинительный приговор, чаще суды приговаривают полицейских к реальным срокам или к условным, к большим или маленьким?

Наша организация занимается случаями применения пыток, поэтому в делах, которыми занимаемся мы, приговоры связаны с реальным лишением свободы, и, на мой взгляд, они чаще всего адекватные. Не всегда, но чаще всего. Еще раз хочу подчеркнуть, я бы не стал говорить о каком-то попустительстве со стороны судебной власти. Правильнее говорить о саботаже со стороны следственных органов, Следственного комитета.